

ГАЛИНА НЕКРАСОВА (Тарту)

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИКИ ПЕРМСКИХ ПАДЕЖНЫХ КОАФФИКСОВ

При установлении генезиса значений и системных отношений во внутренней структуре отдельного падежа исследователи обычно опираются на его исторически первичное значение, ибо исходные признаки определяют развитие вторичных значений (Шелякин 1983 : 43). Поэтому при выявлении становления семантики падежных коаффиксов необходимо исходить из значения источников.

Семантическая близость коаффикса с исходным элементом хорошо прослеживается в приблизительно-местных падежах коми языка. Данная серия возникла на основе аппроксиматива при контаминации его морфемы (-*lañ*) с формантами других местных падежей (Некрасова 1985). В коаффиксном положении -*lañ* (-) сохраняет связь с аппроксимативом в семе неконтактности, несопричастности, реализуя значение места около, вблизи, недалеко от предмета-ориентира, выраженного именем. Из всех коми лативных падежей она присуща только аппроксимативу как специфический признак его семантической структуры. Например, иллатив обозначает направленность во внутренние пределы предмета, проявляя сему инклюзии (*мунны вөрö 'идти в лес'*), терминатив реализует значение предельной направленности до внешней границы предмета, интерпретируя сему ограничительной контактной эксклюзии (*мунны вөрöдз 'идти до леса'*), в то время как аппроксимативная конструкция выражает направленность без достижения внутренних/внешних пределов предмета, служащего при этом только неким ориентиром, а не обязательной целью движения (*мунны вөрлань 'идти в сторону леса, по направлению к лесу'*).

Предположительно при превращении падежной морфемы в коаффикс в силу специфики положения последнего утрачиваются, но скорее, наверно, нейтрализуются признаки, основанные на выражении характера отношений одного предмета к другому, что проявлялось в данном случае в прямой динамической направленности. Этому способствуют, видимо, особенности лативных падежей, унаследованные от праязыка, где они составляли «merkmallos»-категорию и были недифференцированы в отношении направления (Korhonen 1975 : 115—116). Некоторая недифференцированность подобного рода наблюдается и у современного аппроксиматива, что отражает реализация им значения местонахождения около, вблизи чего-либо: *Первойсö эз эксыссы, мый керканым мян сылань* (Сидоров 1950 : 503) 'Сначала не верилось, что наша изба в той стороне'; *кыдзи Вөрью кывтыдлань... орччон нельöд местаын нин кыöдчö сьöд тшын* (Юхнин 137) 'как в низовье Вөрью... рядом в четырех местах уже поднимается черный дым'. Нейтрализация признака

динамичности вызывает сужение семантической структуры данного падежа до специфической семы, наиболее лексикализованной по сравнению с другими, что сближает его со словообразовательным значением (Tauli 1956 : 206—207), коаффикс начинает выполнять более или менее словообразовательную функцию и это порой служит поводом ошибочного отнесения коаффикса к деривационным суффиксам (Бубрих 1949 : 51; Baker 1985 : 231).

Подобное развитие значений прослеживается и при коаффиксации прибалтийско-финско-волжского *s*-ового латива, который «в чистом виде выступал в иллативе» (Аристэ 1955 : 30—31; 1953 : 300), т. е. реализовал признак инклюзии, послуживший основой образования системы внутреннеместных падежей. Видимо, нечто подобное возможно и при превращении в коаффикс, а также в падежный формант словообразовательного элемента, ибо «каждое значение возникает на базе предшествующего ему» (Серебренников 1982б : 224).

Слиянием словообразовательного суффикса с падежными большинство исследователей объясняет формирование *l*-овых падежей в прибалтийско-финско-пермских языках, где элемент *l* возводится к деривационному форманту с местным значением (Основы 1974 : 260), с помощью которого образовывались «*potina loci*». Б. А. Серебренников придерживается несколько иной точки зрения: в праязыке существовал якобы особый местный падеж экстралокатив, обозначавший местоположение за пределами данного предмета: над, под, около, вблизи и даже довольно далеко от него (Серебренников 1982а : 82). К. Хяккинен предлагает считаться с древним *l*-овым инструменталем, который наряду с другими элементами мог лечь в основу внешнеместных падежей (Häkkinen 1983 : 76). Возможность существования древнего *l*-ового падежа с лативным значением в прафинно-угорском языке допускает и П. Алвре (Alvge 1986 : 85—86); Е. А. Хелимский (1982 : 102) ограничивает его распространение западными диалектами уральского праязыка. Представляется, что исходным элементом был словообразовательный суффикс, поэтому предложенные объяснения можно представить как два этапа единого процесса: на первом непосредственный переход из словообразовательного суффикса в коаффикс, на втором осложнение перехода промежуточным звеном — через посредство самостоятельного падежного маркера. Отсюда можно сравнить семантическую структуру *l*-ового словообразовательного суффикса с коаффиксом *l*-овых падежей, установить возможные семантические переходы.

l-овый словообразовательный суффикс в современных пермских языках не относится к продуктивным. Основную сферу его функционирования представляют наречные образования (Uotila 1933 : 99; Lehtisalo 1936 : 149; Лыткин 1977 : 24 и др.) от числительных: комиЗ *õtïlayn* 'в (на) одном месте'; комиП *mödiklasjny* (КПС 254) 'с другого места'; местоимений: комиЗ *bydlaõ* 'во все стороны, в разные места'; комиП *bydlaõt* (КПС 49) 'повсюду, везде'; прилагательных: комиЗ *vylylayn* 'на новом месте', *vajzlayn* 'на старом месте'; наречий: комиЗ *ynalayn* 'во многих местах'. В указанных позициях *l*-овый деривационный суффикс реализует обобщенное значение места, которое воспринимается как не имеющее внешних и внутренних границ, единое незамкнутое пространство. Модификацией его является значение места, находящегося поблизости, около, вне предмета-репрезентанта, которое также воспринимается как открытое незамкнутое пространство. Реализуется оно в послеложных конструкциях, чаще всего при послелогах с основой комиЗ, комиП *дор-* 'край, сторона' (комиЗ *kerkaladorõ* 'в сторону дома', ср. *керка дорõ* 'к дому'; *kerkaladorys* 'со стороны дома' и *керка дорысь*

'от дома'). В коми-пермяцком языке лексикализовалось сочетание словообразовательный суффикс *-la* + послелог *dor-* в *ладор* 'сторона, направление' (КПС 217), причем функционально-семантическая роль суффикса *-la* идентична подобной в коми-зырянском языке, ср. *кымöрыс мунис вöр ладорöт* (КПС 217) 'туча прошла той стороной, где лес' и *ми ветлöтлим ю дорöт* (КПС 218) 'мы гуляли по берегу реки'.

Двойное употребление существительных с послелогами с основой на *пал-* 'сторона' наблюдается в южных говорах удмуртского языка (*гурт пала ~ гуртла пала* 'в сторону деревни, по направлению к деревне', *гоп пала ~ гопла пала* 'по направлению к яме') (Насибуллин 1972 : 86—87). Носители языка отмечают семантическую идентичность конструкции с *-la* и без него, указывая различие лишь в частности употребления: первые встречаются реже, преимущественно в речи старшего поколения (сообщение В. К. Кельмакова). Думается, что в прошлом конструкции с *-la* имели оттенок значения, подобного значению в коми языках. Р. Ш. Насибуллин рассматривает формант *-la* в данных случаях как сохранение окончания древнего направительного падежа (Насибуллин 1972 : 87).

В субстантивном словопроизводстве современных пермских языков суффикс *-la* используется довольно редко. В удмуртском языке с его помощью образуются имена с пространственно-измерительным значением: *murda-la* 'глубина', *pašt-la* 'ширина' и др. (Серебренников 1963 : 151; Кельмаков 1971 : 24). Формант *-la* выделяется в деэтимологизированных словах типа *ывла* 'двор, улица, природа', вв. с. лет. скр. *кола* 'охотничья и рыбацья избушка без окон', уд. 'кузница', удм. *куала* (*кшала*) 'шалаш, в котором в летнее время готовят пищу и кушают' (Uotila 1933 : 200—203; Бубрих 1949 : 171; КЭСК 114, 328; Kövesi 1954 : 99 и др.). В работе Ф. Видемана отмечается способность *-la* образовывать имена со значением 'Gegend, Seite, Richtung', например, *börla* 'Hinterseite', *vodžla*, *banla* 'Vorderseite', *jözla* 'Fremde' (Wiedemann 1884 : 53). Однако как самостоятельные лексемы данные слова уже не употребляются в современном коми языке, встречаются лишь в составе сложных слов и в наречиях в сочетании с суффиксами местных падежей.

Что касается сложных слов, сохранение форманта *-la* отмечается в композитах с вторым компонентом *dor* 'край', реже *pöv* 'половина', *бок* 'бок': комиЗ *мöдлапöv* 'другой берег', *йöзладор* 'чужбина', *веськыдлабок* 'правая сторона' (Kövesi 1954 : 99; Лыткин 1977 : 24). Следует считать ошибочной точку зрения, согласно которой *-la* представляет здесь якобы окончание вышедшего из употребления коннекутива (Bátori 1969 : 95; Зимин 1985 : 112) в силу относительно позднего выделения коннекутива как самостоятельного падежа (Основы 1976 : 149) и его функционирования в современном языке с определенной системой значений.

С *l*-овым словообразовательным суффиксом исследователи связывают элемент *-la*, появляющийся в местных падежах при склонении воршудных имен в удмуртском языке (Uotila 1933 : 198; Атаманов 1978 : 125; Архипов 1978 : 27—29) и обозначающий «территорию, заключающую в себе данный воршуд» (Емельянов 1927 : 116—117): *гожналан* 'в Гожне', *гожналась* 'из Гожни', *гожнала* 'в Гожню', *гожналасэн* 'от (с) Гожни' и т. д. (Архипов 1978 : 27).

Признается также генетическая связь данного деривационного форманта с формально идентичным суффиксом *-la*, встречающимся в топонимах и обозначающим отношение к месту (Туркин 1980 : 276—277): *Гöсьтила*, *Гöстила* 'гостиное, т. е. торговое место', *Койтла* 'токовище, место на току' (*койт* 'ток, токовище') и др.

О сохранении деривационного форманта *-la*, видимо, следует говорить и в случае словоформ типа *турунласьсэ*: *turunlaššs me lokti* V. 'Vom Neuholen bin ich zurückgekehrt' (Rédei 1962 : 168), *корöсьласьсэ*:

скр. *корёсьлаысь локтам вöлі* В. Т. (ПСД 69) 'Мы возвращались из места, где ломали веники' и т. п. С точки зрения современного коми языка элемент *-lajš* можно рассматривать как контаминацию двух падежных суффиксов, где *-la* — окончание конзекутива, ибо *-la* отсутствует в продуктивном субстантивном словопроизводстве и функционирует как маркер самостоятельного падежа, что способствует восприятию данных словоформ с «целево-исходным» значением (ПСД 69; ССД 34; Nekrasova 1985 : 60). Однако, видимо, *-la* обозначает здесь скорее локализацию предмета, что можно отразить словом-идентификатором 'место, где', и в некотором отношении выступает синонимом компонента *-ин* 'место' в сложных словах типа *алькösін* 'отлогое место' < *алькös* 'пологий', *васöдин* 'сырое место' < *васöд* 'сырой'.

Наличие подобных образований отмечается и в удмуртском языке (Емельянов 1927 : 146): «*шуллась* от речки, но также и «речное», местность, находящаяся в стороне от речки; ... *шурласянь* ... *мынысько* — иду со стороны речки, ... букв. иду в местность, находящуюся в стороне от речки». Думается, что автор допустил ошибку в буквальном переводе, скорее всего *-la* в данных словоформах обозначает место, находящееся недалеко, в стороне от предмета-репрезентанта, выраженного именем.

Отмеченные случаи сохранения *l*-ового деривационного суффикса позволяют выделить следующие образуемые с его помощью лексико-семантические группы слов: а) пространственные понятия, б) типы ландшафта, территории, в) населенные пункты и их части, г) сооружения, их части (последнее обнаруживается в деэтимологизированных словах, поэтому данное значение можно считать вторичным по происхождению). В целом семантика суффикса варьирует в зависимости от значения имени, с которым он сочетается, но общим для всех образованных с его помощью словоформ является значение места, пространства в его отвлеченном значении, «*potina loci*», ибо по отношению к ним не применяется разграничение внутренних и внешних пределов (Всеволодова, Владимирский 1982 : 30). Данная семантическая нейтрализация, видимо, стала основой восприятия отвлеченного места действия, признака, состояния как поверхности.

Указанный оттенок значения можно выделить и при анализе слов с *l*-овым элементом в прибалтийско-финских языках. Более отчетливо значение места как открытое, незамкнутое пространство выступает в словах типа *etelä* 'юг' (перв. 'место впереди пункта') (Хакулинен 1953 : 110), *pohjola* 'север' (перв. 'северная сторона') (Майтинская 1979 : 118), а также в наречных образованиях типа *täällä* 'здесь' < **tääl-nä*, где *täkälä* 'здешнее место', *sie-llä* 'там' < *siällä* < **siäl-nä*, где *sikäla* 'тамошнее место' (Хакулинен 1953 : 89); в именах, обозначающих какое-то помещение: фин. *ruokala* 'столовая', *sairaala* 'больница' (Alvre 1969 : 245), эст. *söökla* 'столовая', *haigla* 'больница' произошла конкретизация значения, первоначально они обозначали не помещение, сооружение, а место проявления действия, признака: эст. *söökla* 'место, где едят', фин. *setälä* 'место жительства дяди' (Alvre 1969 : 245).

Таким образом, можно предположить, что интерпретация значения места действия как поверхности послужила семантической основой значения *l*-ового коаффикса внешнеместных падежей, семантическая структура которого ограничивается в настоящее время признаком эксклюзиви, словом-идентификатором при этом могут выступать лексемы 'поверхность', 'внешняя граница', 'сторона' (Budenz 1884—1894 : 378).

Становление приблизительно-местных падежей в коми языке, а также анализ некоторых вторичных суффиксов показывают, что появление коаффиксов вызывается не только лингвотехническими причинами (Серебренников 1985 : 106), но и необходимостью внесения новых значений,

которые возникают на основе специфической семы структурного образования, будь то падежный или словообразовательный суффикс. Отсутствие четкого разделения падежей на определенные серии в современных языках, видимо, объясняется нейтрализацией данного признака, вызванной разными языковыми и внеязыковыми факторами. Как отмечает В. Г. Гак, языковые элементы ввиду свойственной им асимметрии плана выражения и плана содержания могут приобретать новые, вторичные функции (1985 : 13). Для падежных форм характерна тенденция развития семантических падежей в синтаксические, т. е. конкретных в грамматические (Курилович 1962 : 186), отсюда употребление падежных формантов преимущественно в значениях вторичного происхождения, что особенно хорошо прослеживается в функциональном развитии *l*-овых падежей коми языка (Baker 1985 : 131—133, 144—153).

Сокращения

Диалекты коми языка: **вв.** — верхневычегодский; **лет.** — летский; **с.** — сысольский; **скр.** — присыктывкарский; **уд.** — удорский; **В.** — с. Вилгорт; **Т.** — д. Тентюково.
КПС — Коми-пермяцко-русский словарь, Москва 1985; **Основы 1974** — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва; **Основы 1976** — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, Москва; **ПСД** — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; **ССД** — Н. А. Колотова, Г. Г. Бараксанов, Среднесысольский диалект коми языка, Москва 1980; **Юхин** — В. Юхин, Диньельса ворпункт, Сыктывкар 1983.

ЛИТЕРАТУРА

- Арист П. 1953, Примечания. — Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I, Фонетика и морфология, Москва, 290—306.
 — 1955, *s*-овый иллатив в прибалтийско-финских языках. — Доклады и сообщения ИЯ АН СССР 7, 22—31.
 Архипов Г. А. 1978, Морфологические особенности средне-южного диалекта удмуртского языка I. О диалектах и говорах южноудмуртского наречия, Ижевск, 3—46.
 Атаманов М. Г. 1978, Морфологическая структура удмуртских микроэтнонимов. — СФУ XIV, 121—127.
 Бубрих Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
 Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. 1982, Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке, Москва.
 Гак В. Г. 1985, К типологии функциональных подходов к изучению языка. — Проблемы функциональной грамматики, Москва, 5—15.
 Емельянов А. И. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
 Зимин В. С. 1985, Некоторые особенности словосложения и сложных имен существительных в коми языке. — Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы. Языкознание I, Сыктывкар, 112.
 Кельмаков В. К. 1971, Вопросы словообразования имен существительных в куломорском диалекте удмуртского языка. — СФУ VII, 19—28.
 Курилович Е. 1962, Проблема классификации падежей. — Очерки по лингвистике. Сборник статей, Москва, 175—203.
 Лыткин В. И. 1977, Историческая морфология коми языка, Пермь—Сыктывкар.
 Майтинская К. Е. 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
 Насибуллин Р. Ш. 1972, Закамские говоры удмуртского языка. Канд. дисс., Тарту.
 Некрасова Г. 1985, О падежах на *-лань(-)* в коми языке. — ФУ 12, 147—154.
 Серебренников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
 — 1982а, О некоторых проблемах истории финно-угорских языков. — СФУ XVIII, 81—89.
 — 1982б, Об истоках *s*-ового латива в финно-угорских языках. — СФУ XVIII, 241—246.

- 1985, О природе коаффиксов в падежных окончаниях уральских языков. — Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы. Языкознание II, Сыктывкар, 106.
- Сидоров А. С. 1950, Синтаксис коми языка I, Сыктывкар (Архив Коми филиала АН СССР, ф. I, оп. II, д. 133).
- Туркин А. 1980, Структурно-словообразовательный анализ коми топонимов. — СФУ XVI, 275—285.
- Хакулинен Л. 1953, Развитие и структура финского языка I. Фонетика и морфология, Москва.
- Хелимский Е. А. 1982, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация), Москва.
- Шелякин М. А. 1983, Опыт семантико-синтаксического описания дательного падежа русского языка. — Грамматические и семантические проблемы описания языка. Труды по русской и славянской филологии, Тарту (TRUT), 43—57.
- Alvre, P. 1969, Soome keeleõpetuse reegliid, Tallinn.
- 1986, Zu den finnisch-ugrischen *l*-Kasus. — СФУ XXII, 81—87.
- Baker, R. 1985, The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation, Helsinki (MSFOu 189).
- Bátori, I. 1969, Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjänischen mit Berücksichtigung des Wotjakischen, Wiesbaden.
- Budenz, J. 1884—1894, Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana, Budapest.
- Häkkinen, K. 1983, Suomen kielen vanhimma sanastosta ja sen tutkimisesta. Suomalais-ugrialaisten kielten etymologisen tutkimuksen perusteita ja metodiikkaa, Turku.
- Korhonen, M. 1975, Merkmalhaftigkeit und Merkmallosigkeit in den finnisch-ugrischen Lokalkasussystemen. — CUFU III, 111—117.
- Kövesi, M. 1954, A Komi *l*-képző. — NyK LV, 98—116.
- Lehtisalo, T. 1936, Über die primären uralischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu 72).
- Nekrasova, G. A. 1985, Zum Problem der *l*-Kasus in der gegenwärtigen Komi-Sprache. — Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы. Языкознание I, Сыктывкар, 60.
- Rédei, K. 1962, Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen, Budapest.
- Tauli, V. 1956, The Origin of Affixes. — FUF XXXII, 170—225.
- Uotila, T. 1933, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen, Helsinki (MSFOu LXV).
- Wiedemann, F. J. 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St. Petersburg.

GALINA NEKRASOVA (Tartu)

ON THE SEMANTICS OF PERMIC CO-AFFIXES

Case co-affixes may have originated from either case endings or derivational suffixes. At first they were probably used from the necessity to add new shades of meaning. Besides, the semantics of a co-affix is based on a specific seme which has characteristic of the former case ending or a derivational suffix. The semantic closeness of co-affixes to their source elements can be traced in some local cases of the Komi language where the seme of non-contactuality of the approximative case is retained whereas its other features are neutralized.